прозорливо оценивать сложную военную и политическую обстановку внутри и вокруг Афганистана и принимать взвешенные решения. Он был человеком большой культуры и прекрасным оратором. Ему были присущи уважительное отношение к подчиненным, доступность, умение слушать и понимать собеседника, подчеркнутая восточная вежливость, тактичность и предупредительность, простота в общении с окружающими, личное мужество и готовность пойти на самопожертвование во имя своих идеалов. Вместе с тем ему были свойственны излишняя эмоциональность и горячность в суждениях и поступках и, как политическому деятелю, определенная склонность к интриганству.

Наджибулле нельзя отказать в искренности дум и намерений принести мир и безопасность на афганскую землю. Однако его стратегические расчеты умиротворить страну за счет принесения в жертву НДПА и политической системы, стержнем которой она являлась, оказались порочными и заведомо не дальновидными. Устранение из миротворческого процесса НДПА, как влиятельной политической силы, которая могла бы стать реальным противовесом оголтелому религиозному экстремизму, направило развитие событий в Афганистане по наиболее трагическому, сомалийскому, варианту. Страна была ввергнута в кровавую бойню, несравненно более жестокую, чем это было прежде. Прямую ответственность за это несут дерущиеся за власть в стране различные, поддерживаемые извне группировки моджахедов и их зарубежные покровители. Но определенная доля исторической вины за продолжение трагедии афганского народа лежит и на Наджибулле, упустившему из рук один из возможных шансов к подлинному миру. Личная трагедия Наджибуллы, как политического деятеля, заключалась в том, что он был подло и многократно предан своими бывшими внутренними и внешними друзьями (см. об этом подробнее в разделе «Проблема урегулирования положения вокруг Афганистана»).

Наджибулла, кроме родного пушту и дари, владел английским языком. Был женат и имел трех дочерей. Жена Фаттана Гилани связана родственными узами с династией, правившей в Афганистане в первые три десятилетия XX в. С 1992 года она и ее дочери проживают в индийской столице [1].

Афганский левый режим после Б. Кармаля

Выбор Наджибуллы на пост главы партии и государства не был безальтернативным. Кроме него, в то время в высшем партийно-государственном аппарате ДРА имелись не менее достойные личности (например, известный в стране поэт и видный государственный деятель Сулейман Лайек), отвечавшие всем требованиям, предъявляемым к главе государства, который был бы способен умиротворить страну. Однако за ними, к сожалению, не было поддержки всесильного советского КГБ, который в Афганистане в те годы определял, в конечном итоге, кому следует передать власть из рук опального Б. Кармаля. Надо еще и вспомнить, что в советской кадровой политике того времени принято было считать некоей непреложной истиной, что самые надежные и проверенные выдвиженцы на высшие государственные посты куются преимущественно в лоне спецслужб. В связи с этим шансы Наджибуллы стать главой афганского государства изначально представлялись гораздо более предпочтительными, чем у других лиц.

В Москве ставка на Наджибуллу, как будущего главу партии и государства, была окончательно сделана накануне XXVII съезда КПСС, состоявшегося в конце февраля – начале марта 1986 г. (хотя, истины ради следует отметить, что задуманное в московских кабинетах его продвижение по партийной должностной лестнице началось еще раньше и было сначала воплощено в решение 16-го пленума ЦК НДПА (ноябрь 1985 г.), избравшего его секретарем ЦК партии). В ходе проведения указанного съезда в центре подчеркнутого внимания со стороны высших советских лидеров был уже не Б. Кармаль, возглавлявший на съезде афганскую партийную делегацию, а ее член Мухаммад Наджибулла (см. об этом подробнее в разделе данной книги «Как снимали Б. Кармаля»). Чуть позже, в конце марта, Б. Кармаль был вызван в Москву, где ему в вежливо-ультимативной форме предложили «во имя высших интересов Афганистана» передать

Наджибулле пост генерального секретаря ЦК НДПА (фактически верховную власть в стране).

Состоявшийся 4 мая 1986 г. 18-й пленум ЦК НДПА официально оформил принятое в Москве решение о смещении Б. Кармаля с высшего партийного поста под стандартным предлогом – «по состоянию здоровья». В поддержку этого решения на пленуме в числе первых выступили лидеры и активные деятели халькистской фракции в партии – член политбюро С.М. Зерай и член ЦК А.Р. Арьян, а также секретари ЦК М.С. Карваль, Н.М. Моманд, член ЦК, начальник Генерального штаба афганской армии Ш.Н. Танай и другие.

Эта сенсационная новость взбудоражила общественное мнение страны. Резко негативно, если не сказать враждебно, ее встретили в политически активной интеллектуальной среде столицы, где всегда были сильны симпатии к Б. Кармалю, как признанному политическому и государственному деятелю. Для этой среды не было секретом, что смена афганского руководства была задумана за пределами страны, в Москве. В Кабуле состоялись редкие в то время массовые антисоветские выступления. Стали распространяться листовки с осуждением Наджибуллы и его иноземных покровителей. Чтобы предотвратить дальнейшее нежелательное развитие событий, власти были вынуждены ввести бронетехнику и войска на улицы и площади столицы. Однако самым, пожалуй, печальным следствием этой недальновидной кадровой политики явилось дальнейшее, еще более глубокое размежевание в радах НДПА и государственном руководстве по крыльевому, групповому и клановому признакам. Партия, которую с самого начала ее образования постоянно раздирали внутрипартийные склоки и дрязги, на сей раз окончательно оказалась на грани утраты способности к единению и сплочению своих рядов.

В момент смены высшего руководства в Кабуле не предусматривались какие–либо существенные изменения или корректировки во внутренней и внешней политике страны. Новый афганский лидер, выступая на указанном пленуме, обещал «неуклонно и последовательно продолжать выполнение решений 16 и 17-го пленумов ЦК ЦДПА и установок Революционного совета ДРА от 9 ноября 1985 г., нацеленных на расширение социальной базы власти и обеспечение активного участия рабочих, крестьян, торговцев, интеллигенции, частных предпринимателей, национальных лидеров, духовенства, женщин, молодежи, представителей всех национальностей, племен и этнических групп в общественных и государственных делах». В названных документах впервые за годы гражданской войны акцент был сделан в общенациональном масштабе на поиске национального согласия, примирения и компромиссов с оппозицией, на создании коалиционных органов власти и управления и умиротворении страны не через использование силы оружия, а посредством конструктивного диалога всех заинтересованных в мире сторон на базе интересов родины и всех афганцев. Хотя, впрочем, никогда не снимался и вопрос о вооруженной защите существовавшего в Афганистане левого режима и необходимости разгрома на поле боя вооруженных формирований непримиримой оппозиции. Подтверждением этому явились создание после 18-го пленума ЦК НДПА советов обороны на уровнях центра и провинций, упорные усилия властей по укомплектованию армии личным составом и повышению ее боеспособности, прикрытию границы с Пакистаном и Ираном и т.п. [2].

Заняв пост генерального секретаря ЦК НДПА, Наджибулла в первые месяцы во всех своих публичных выступлениях неизменно подчеркивал приверженность прежнему курсу в области внутренней и внешней политики, суть которой, по его словам, состояла в том, чтобы расширить социальную базу власти, радикально укрепить вооруженные силы и обеспечить коренной перелом в борьбе с непримиримой оппозицией, а также через продолжение женевского переговорного процесса добиться урегулирования положения вокруг Афганистана [3]. Спустя полгода, 18 октября 1986 г. он, отвечая на вопрос одного иностранного журналиста, снова подтвердил неизменность намеченного при его предшественнике стратегического курса на прекращение кровопролития и установление мира и спокойствия на афганской земле. «Наша стратегия, – сказал он, – не изменилась.

Что же касается политики, то она стала гибче. Новизна того, что мы называем обновлением стиля, заключается не в выдвижении каких-то новых пунктов или программных положений. Все нужные, правильные слова сказаны давно. Все проблемы – в их осуществлении» [4].

Прежние пути, средства и подходы, призванные умиротворить страну, были во всей своей полноте сохранены в решениях 19 и 20-го пленумов ЦК НДПА, которые состоялись соответственно 10 июля и 20 ноября 1986 г. Впрочем, в них чаще, чем прежде, стали употребляться понятая «национальное примирение» и «национальное согласие». Наджибулла, выступая на 19-м пленуме ЦК с докладом «О неотложных задачах партии и государственной власти», дал резко отрицательную и нелицеприятную оценку положения в стране и деятельности всех звеньев партийно-государственного аппарата сверху донизу. При этом в докладе, вопреки традиции, совершенно отсутствовала ранее обязательная преамбула о достижениях и успехах в предшествующий между пленумами период. Уже в начале доклада Наджибулла с горечью констатировал, что партия и правительство ДРА, несмотря на предпринимаемые усилия и некоторые организационные меры, в частности создание советов обороны вплоть до провинциального уровня, так и не добились выполнения задач, поставленных 16-м пленумом ЦК [5].

Отвечая на поставленные им самим вопросы, почему власть топчется на месте в решении злободневных проблем, почему, имея количественно превосходящие вооруженные силы, она не может ликвидировать в стране бандитизм и почему не в состоянии привлечь на свою сторону деревню, Наджибулла назвал ряд причин, главными среди которых, по его мнению, были: разрыв между словом и делом в работе партийно-государственных структур, безответственность должностных лиц и отсутствие объективности в оценке ими своей деятельности, слабость революционной дисциплины, внутрипартийные распри и многочисленные ошибки. Для некоторых партийных и государственных чиновников, отметил Наджибулла, «революция закончилась тогда, когда они получили от нее все возможное: и звание, и высокое должностное положение, и личное благополучие». К этому добавились еще и изъяны в кадровой политике, согласно которым стало негласным правилом, как он сказал, «выдвигать тех или иных лиц на ответственные посты не по принципу преданности партии и ее идеалам, а на основе племенной, клановой и земляческой принадлежности и личной преданности отдельным деятелям». Отсюда, подытожил генсек, такие выдвиженцы «занимаются не делом, а склоками и внутрипартийными интригами …, отдавая этому весь свой ум и энергию» [6].

Заканчивая доклад, Наджибулла призвал участников пленума: «В период, оставшийся до 10-й годовщины Апрельской революции, мы должны сделать все возможное, чтобы покончить с войной и кровопролитием и отметить эту дату в условиях мира и спокойствия на древней афганской земле» [7]. К сожалению, этому не суждено было сбыться. В условиях прогрессирующего ухудшения военно-политической обстановки внутри и вокруг Афганистана данный оптимизм Наджибуллы был скорее пропагандистским лозунгом и политической риторикой, чем отражением объективной реальности.

В принятом 19-м пленумом постановлении были в основном, за небольшим исключением, повторены установки 16-го (кармалевского) партийного пленума. Речь снова шла об острейшей необходимости повышения боеспособности афганских вооруженных сил и принятия мер по сокращению массового дезертирства, надежного прикрытия границы с Пакистаном и Ираном, расширения социальной базы власти и создания коалиционных органов управления в центре и на местах, повышения эффективности работы общественных организаций в рамках общего фронта борьбы против вооруженной контрреволюции, укрепления единства партийных рядов и повышения их боевитости, дальнейшего развития диалога с оппозиционными леводемократическими организациями, решения на справедливой основе национального вопроса, принятия мер по развитию экономики и продолжения женевского переговорного процесса по политическому урегулированию положения вокруг Афганистана. Особое внимание в постановлении было уделено мерам по активизации деятельности государственных органов всех уровней, Сове-

тов обороны зон и провинций и, особенно, Национального отечественного фронта и Всеафганской комиссии по национальному примирению [8].

Пленум рассмотрел также и организационный вопрос. В соответствии с принятым решением, почти в два раза был расширен состав ЦК НДПА в основном за счет увеличения в нем представительства членов фракции Парчам и лояльных Наджибулле лиц. В частности, из пяти человек, вновь избранных в политбюро и секретариат ЦК НДПА, четверо (Сулейман Лайек – член политбюро, Гулям Фарук Якуби – кандидат в члены политбюро, Наджмуддин Ахгар Кавьяни и Хайдар Масуд – секретари ЦК) принадлежали к фракции Парчам и только один (Мир Сахиб Карваль – кандидат в члены политбюро) – к Халькъ. Среди 15 человек, переведенных из прежнего состава кандидатов в члены ЦК партии, 10 лиц входили в крыло Парчам, 4 – Халькъ (персонально Хонар Гайрат и генералы Сайфулла, Дост Мухаммад и Мухаммад Фарук) и один (Фазль Ахмад Тогьян) ранее относился к группировке Группа труда (см. Приложение 1). Представители крыла Парчам преобладали и среди вновь избранных пленумом 70 кандидатов в члены ЦК и членов ЦК партии. В состав ЦК были также введены 4 крестьянина, 13 рабочих и большая группа военных, в их числе и один солдат. Подавляющее большинство данного высшего партийного органа, как и прежде, составляли выходцы из среды интеллигенции и чиновничества.

Наряду с обновлением состава ЦК, пленум положил начало чистке партийных органов от наиболее ярых приверженцев Б. Кармаля. В числе первых оказался секретарь ЦК НДПА Мухаммад Ясин Садеки, накануне издавший листовку с протестом против избрания Наджибуллы генсеком. Освобождение М.Я. Садеки от занимаемого поста было связано, как говорилось в постановлении пленума, «с его просьбой перейти на другую работу». Впрочем, эту «другую работу» он так и не получил. Кроме него, из состава ЦК были выведены посол ДРА в Монголии Асадулла Сарвари, секретарь провинциального комитета НДПА и губернатор Герата Абдул Гаффар Азад и секретарь президиума Революционного совета ДРА, помощник Б. Кармаля Мухаммад Анвар Фарзам.

Пленум также рассмотрел вопрос о принятии в НДПА Революционного общества трудящихся Афганистана (РОбТА) и других леводемократических организаций. Лидер РОбТА Мухаммад Захир Офок был введен в состав ЦК НДПА [9].

Несколько позже, 10 сентября, был подписан протокол о полном идеологическом, политическом и организационном единстве с НДПА Авангардной организации молодых рабочих Афганистана (АОМРА), а 21 октября – Авангардной организации трудящихся Афганистана (АОТА) [10]. Их руководители Абдушшокур Хушачин и Тазахан Виялъ, согласно решению 20-го пленума, вошли в состав ЦК НДПА, а несколько позже были назначены соответственно заведующим финансово-хозяйственным отделом и заместителем заведующего организационным отделом ЦК партии.

Летом и осенью 1986 г., несмотря на все предпринимавшиеся Кабулом меры, военно-политическая и социально-экономическая обстановка в стране продолжала оставаться крайне напряженной. Вооруженная оппозиция, опираясь на щедрую военную, финансовую и морально-политическую помощь и поддержку извне и будучи уверенной в своей военной победе, упорно наращивала силовое давление на кабульский режим. Она контролировала значительную часть сельской периферии Афганистана. Под ее постоянными ударами находились все крупные административные центры страны, в том числе и столица, важные промышленные и инфраструктурные объекты, линии коммуникаций и электропередач. В плачевном положении находилась и экономика страны. План экономического и социального развития ДРА, разработанный и принятый в марте 1986 г., практически не выполнялся. По признанию председателя Совета министров ДРА С.А. Кештманда, сделанному им в октябре 1986 г., «положение трудящихся существенно не улучшается, и они не ощущают заботы партии и власти» [11]. Неблагополучие в социально–экономической сфере дополнялось глубоко зашедшим разложением партийно–государственного аппарата, погрязшего в коррупции, взяточничестве, воровстве, злоупотреблениях служебным положением. Правящую партию продолжали в еще больших

масштабах, чем прежде, раздирать межфракционные, клановые и групповые склоки, интриги и раздоры. Топтался на месте женевский переговорный процесс (см. об этом в разделе «Проблема урегулирования положения вокруг Афганистана» настоящей книги).

Во второй половине 1986 г. левый кабульский режим смог записать в свой актив немногое, в частности: некоторое укрепление боевого потенциала вооруженных сил в «афганском треугольнике» Кабул-Кандагар-Герат, разгром ряда бандформирований в северных провинциях и установленные здесь прочные связи с советскими республиками Средней Азии, завершение формирования частей погранвойск и определенное улучшение сотрудничества с пуштунскими племенами в рамках мер по прикрытию границы с Пакистаном и Ираном, снижение дезертирства в силовых структурах, явившееся следствием улучшения материально-бытовых условий солдат и офицеров и усиления политико-воспитательной работы в войсках, проведение выборов в местные органы государственной власти во всех провинциях и округах (было избрано 14 тысяч представителей народа в более чем 1 тыс. местных Советов), завершение разработки под председательством Б. Кармаля проекта новой конституции, создание в рамках НОФ Высшей чрезвычайной комиссии по национальному примирению [12].

Следует отметать, что содержание курса на национальное примирение до конца I986 г. все еще не было достаточно четко очерчено. По мнению главы афганского государства, которое он высказал в одном из своих выступлений в октябре 1986 г., политика национального примирения сводилась им лишь к расширению социальной базы власти, укреплению политической системы общества, стержнем которой являлась НДПА, решению внутренних проблем, таких как крестьянский вопрос и расширение контактов с частным предпринимательством, завершению женевских афгано-пакистанских переговоров. Наджибулла по-прежнему считал определяющим звеном в афганском урегулировании его военную составляющую. «Путь к примирению, – говорил он, – лежит через укрепление вооруженных сил. С нами будут разговаривать, если мы будем еще сильнее (подчеркнуто мною. – М.С.) [13]. Вряд ли можно было оспаривать эту истину и тогда, во второй половине 80-х годов, и спустя годы, если исходить из интересов будущего мирного и демократического развития Афганистана.

Новое афганское руководство, как, впрочем, и прежнее, при всем своем внимании к различным аспектам национального примирения, несмотря на публичные заявления о готовности идти на компромиссы с вооруженной оппозицией, в основном ограничивалось в этом вопросе тайными операциями спецслужб по склонению бандформирований и их полевых командиров к сотрудничеству с властями и прекращению сопротивления. Хотя, надо признать, имели место и эпизодические контакты по линии советских и афганских спецслужб и дипломатических работников с некоторыми лидерами антиправительственных группировок, которые базировались в Пакистане и Иране. Но эти контакты особых результатов не давали.

Курс на национальное примирении не был конкретизирован и расширен до поисков компромиссов с вооруженной оппозицией и на 20-м пленуме ЦК НДПА, который состоялся 20 ноября 1986 г. Наджибулла, выступая на нем с основным докладом, в своих подходах к решению самой острой проблемы страны – прекращению кровопролития и братоубийства, установлению мира и безопасности на афганской земле – практически не вышел за рамки установок 16 и 17-го пленумов ЦК НДПА и постановления РС ДРА от 9 ноября 1985 г.

Основное место (по своей политической значимости) в работе 20-го пленума вновь занял организационный вопрос. На нем с завидным и политически не оправданным упорством была продолжена линия на расширение представительства в высших партийных органах членов крыла Парчам. Так, членом политбюро ЦК был избран министр государственной безопасности Гулям Фарук Якуби, наиболее доверенное лицо Наджибуллы, а кандидатом в члены политбюро – Фарид Ахмад Маздак, 1-й секретарь ДОМА. Из 18 вновь избранных членов и кандидатов в члены ЦК НДПА, по крайней мере, 11 лиц принадлежали к парчамистскому крылу.

Следует заметить, что в Афганистане на кадровую политику огромное влияние оказывали представительства различных советских ведомств, работавшие в то время в этой стране. Все они фактически стояли за всеми сколько-нибудь значимыми кадровыми перестановками. При этом представители советских силовых ведомств (МО и МВД), осуществлявшие свою деятельность преимущественно в халькистском окружении, с присущей им профессиональной напористостью «двигали» в партийно-государственные структуры, в том числе и высшие, в основном халькистов, а партсоветники, представительство КГБ и советское посольство в Кабуле чаще всего выступали в роли радетелей парчамистов, в среде которых они, как правило, вращались. Так что перекосы в кадровой политике в ДРА, день ото дня еще больше усиливавшие внутрипартийные разногласия, были результатом не только (и, пожалуй, не столько) в общем-то оправданного стремления Наджибуллы создать себе надежную опору в стране и партии, но и следствием грубого вмешательства московских ведомств в расстановку афганских кадров.

20-й пленум ЦК НДПА подвел черту под политической карьерой Б. Кармаля, одного из основателей партии. Уже тогда ни для кого в Афганистане не было секретом, что устранение с политической арены этого известного и авторитетного в стране деятеля было задумано и инспирировано Москвой и, естественно, осуществлялось не без желания Наджибуллы избавиться от опеки своего бывшего учителя и таким образом развязать себе руки в проведении внутренней и внешней политики. В своем письме, адресованном ЦК НДПА и РС ДРА, Б. Кармаль писал: «В нынешней специфической ситуации, по известным причинам, которые мною были изложены ранее, почтительно прошу принять мою отставку с партийных и государственных постов» (напомню: Б. Кармаль в то время оставался членом политбюро ЦК НДПА, председателем президиума Революционного совета ДРА и председателем Революционного совета ДРА) [14]. Мотивируя свою просьбу об отставке, он ни словом не обмолвился о плохом состоянии своего здоровья как препятствии к исполнению им должностных обязанностей.

Зато Наджибулла, зачитав указанное письмо Б. Кармаля, в своем выступлении по этому поводу назвал единственной причиной освобождения последнего от занимаемых постов только и только плохое состояние его здоровья. Аргументация Наджибуллы на сей счет заслуживает того, чтобы привести ее здесь, по возможности, полнее: «Годы борьбы в оппозиции, – говорил Наджибулла, – а затем огромная работа одновременно на трех важнейших постах серьезно сказались на здоровье, силах и энергии Б. Кармаля. Мы, его близкие товарищи и друзья, видели, как это бремя громадной ответственности подрывало его здоровье». Далее Наджибулла, фактически связав освобождение Б. Кармаля в 1981 году от поста председателя Совета министров ДРА, а в 1986 году и от поста генерального секретаря ЦК НДПА только с состоянием его здоровья, продолжал: «Последние шесть месяцев показали что сейчас, с завершением формирования местных органов государственной власти и в связи с разработкой новой конституции для товарища Кармаля оказались трудными повседневная работа и практическое решение огромного количества проблем, которые ставит перед ним жизнь». Заканчивая объяснение причины отставки Б. Кармаля, Наджибулла сказал: «Мы, члены политбюро и члены Революционного совета ДРА, руководствуясь принципами гуманизма и благородными чувствами дружбы, считаем возможным удовлетворить просьбу товарища Кармаля об отставке» [15]. Пленум единогласно принял отставку Б. Кармаля, однако оставил его членом ЦК партии и членом Революционного совета ДРА. В начале мая 1987 г. Б. Кармаль вместе с семьей отправился в Москву в почетную ссылку. Его внутрипартийные противники – халькисты торжествовали: им казалось, что в новой ситуации они снова займут достойное место в руководстве страной и партией.

Устранение Б. Кармаля с арены активной политической деятельности и приведение к власти в ДРА нового руководства совпали по времени с разворачивавшейся в СССР так называемой «перестройкой» и практической реализацией горбачевского курса на сближение с Западом в духе «нового политического мышления». Одним из составных элементов этого курса стало решение кремлевских вождей как можно быстрее и любой це-

ной выбраться из афганского капкана с тем, чтобы снять с плеч советского государства огромное бремя материальных, финансовых и военных расходов по Афганистану, разблокировать этот региональный конфликт и вернуть своей стране доброе имя на международной арене. Необходимо заметить, что в Москве к концу 1986 г, окончательно вызрела идея по национальному примирению в Афганистане, хотя, впрочем, в высших эшелонах советского руководства еще не было полного единодушия по вопросу о возможных пределах компромиссов со стороны официального Кабула во внутриафганском урегулировании (см. об этом в разделе «Проблема урегулирования положения вокруг Афганистана» настоящей книги).

4 декабря 1986 г., в преддверии начала в Афганистане широкомасштабной кампании по национальному примирению, нацеленной на создание необходимой прочности левому кабульскому режиму в связи с предстоящим выводом советских войск из страны, в афганской столице состоялось заседание политбюро ЦК НДПА, на котором с учетом рекомендации Кремля было принято решение о смене руководства ключевых министерств – обороны и иностранных дел. В соответствии с этим решением, на пост министра обороны был назначен генерал-майор, парчамист по крыльевой принадлежности Мухаммад Рафи. Его предшественник генерал-полковник Назар Мухаммад, никогда не скрывавший своих халькистских взглядов, получил кресло первого заместителя председателя Совета министров ДРА. В тот же день Наджибулла, как главнокомандующий вооруженными силами Афганистана, встретился в министерстве обороны с высшим командным составом армии и представил нового министра. Выступая перед участниками собрания, Наджибулла обосновал смену руководства военного ведомства необходимостью «повысить боеспособность афганской армии и ее готовность самостоятельно воевать на фронтах необъявленной войны в условиях частичного вывода из страны ограниченного контингента советских войск» [16]. Этим же решением политбюро ЦК главой внешнеполитического ведомства был назначен Абдул Вакиль (крыло Парчам). Бывший до него (с 1980 г.) министр иностранных дел Шах Мухаммад Дост был направлен в Нью-Йорк в качестве государственного министра по иностранным делам, постоянным представителем ДРА в ООН [17].

Через неделю после указанных кадровых перемещений в Советский Союз по приглашению ЦК КПСС и президиума Верховного Совета СССР с официальным дружественным визитом прибыла представительная афганская партийно-правительственная делегация во главе с Наджибуллой. В состав делегации, кроме Наджибуллы, входили председатель Совета министров ДРА С.А. Кештманд, члены политбюро ЦК НДПА С.М. Зерай и Н.А. Нур, министр обороны М. Рафи, министр государственной безопасности Г.Ф. Якуби, министр внутренних дел СМ. Гулабзой и министр иностранных дел А.Вакиль. С советской стороны в переговорах участвовали М.С. Горбачев, Н.И. Рыжков, В.М. Чебриков, Э.А. Шеварднадзе, С.Л. Соколов, Н.В. Талызин и А.Ф. Добрынин.

По возвращении афганской делегации в Кабул итоги визита были подведены на состоявшемся 15 декабря заседании политбюро ЦК НДПА. На нем были подчеркнуты конструктивный, содержательный и откровенный характер переговоров и совпадение взглядов сторон по всем обсуждавшимся вопросам, прежде всего, по национальному примирению. Политбюро, имея в виду решение советских руководителей о конкретных сроках вывода советских войск из Афганистана, с удовлетворением отметило появление «реальных путей быстрой и кардинальной нормализации обстановки вокруг Афганистана» [18].

Курс на национальное примирение

30-31 декабря 1986 г. в Кабуле был созван Чрезвычайный расширенный пленум ЦК НДПА, рассмотревший вопрос «О задачах партии в связи с осуществлением политики национального примирения». На пленуме, кроме членов ЦК, присутствовали видные общественные, политические и военные деятели, главы афганских дипломатических